

М. ГРУЛЕВЪ

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА-ЕВРЕЯ

ПАРИЖЪ

1930

Tous droits réservés.

Copyright 1929, by M. Grouloff.

**Чистый доход от этого издания, жертвуется съ польюу Сионазма,
въ «керець кателесь лышроель»**

*Послѣднія мои думы и слова
посвящаю памяти моихъ незаб-
венныхъ родителей и многостра-
дальному еврейскому народу.*

МОЕ ИСПОВѢДНОЕ СЛОВО.

Я родился и выросъ въ еврейской семьѣ, въ чертѣ еврейской ослѣдлости, отдѣлявшей евреевъ, казалось, непроходимой пропастью отъ всякаго доступа къ какой бы то ни было карьерѣ государственной службы. И, однако, волей судьбы, я сталъ генераломъ генеральнаго штаба, на пути занять мѣсто временно-исправляющаго должность военнаго министра въ (1909 г.) и ѣздить съ докладомъ къ Николаю II...

Все это не въ какое нибудь кипучее время революціонныхъ переворотовъ, а въ эпоху наибольшаго успокоенія и блеска самодержавной власти, — когда евреевъ на пушечный выстрѣлъ не подпускали не то что къ генеральскимъ лампасамъ, а даже и къ ефрейторскимъ «лычкамъ», — когда даже при приѣмѣ въ нѣкоторыя учебныя заведенія встряхивалось происхожденіе чуть ли не до второго и третьяго поколѣнія.

Если отмѣчаю эту превратность судьбы, какъ исходный пунктъ моихъ воспоминаній, въ самомъ началѣ моихъ записокъ, то дѣлаю это отнюдь не съ цѣлью заинтриговать читателя интересными метаморфозами, а для того, чтобы отмѣтить, мимоходомъ, насколько въ разное время измѣнчивы были взгляды творцовъ нашей внутренней политики, и насколько, въ конечномъ итогѣ, безсильны всѣ эти законодательные потуги, пытающіяся пошехонскими запрудами задержать могучій потокъ жизни.

Одушевляетъ меня и другая цѣль дать въ печать эти записки. Моя сознательная жизнь не только зародилась, но и получила первоначальное развитіе въ еврейской средѣ, въ

заплеснѣлыхъ условіяхъ недоброй памяти черты осѣдлости. А затѣмъ, дальнѣйшая моя жизнь развернулась въ совершенно другой средѣ, при совершенно иныхъ понятіяхъ и взглядахъ и при другой обстановкѣ. Это обстоятельство ставитъ меня, до извѣстной степени, внѣ и выше тѣхъ и другихъ социальныхъ перегородокъ со всѣми ихъ предвзятыми взглядами и предрасудками, и даетъ возможность, даже при скромной наблюдательности, освѣтить критическимъ анализомъ хорошія и дурныя стороны въ этихъ противоположныхъ социальныхъ лагеряхъ.

Скажутъ, пожалуй: «А голосъ крови? А прирожденныя симпатіи и антипатіи?»

Словъ нѣтъ, эти данныя неизбежно тяготѣютъ надъ нашими сужденіями и взглядами. Однако не такъ ужъ неотвратимо, какъ это кажется, и, во всякомъ случаѣ, ихъ вліяніе умѣряется умственной зрѣлостью, настойчивой объективностью и естественной для каждаго нормальнаго человѣка врожденной любовью къ правдѣ, — въ особенности, когда всѣ счеты съ жизнью покончены и приходится подводить итоги.

Самое важное, что я старательно и неусыпно держалъ всегда подъ свѣтомъ моей совѣсти, — это было то, что по мѣрѣ силъ я боролся, пассивно или активно, противъ несправедливыхъ обвиненій и гоненій на евреевъ. Слѣдуя, вотъ въ этихъ случаяхъ, «голосу крови» и велѣніямъ сердца, я, въ то же время, видѣлъ въ такой борьбѣ сокровенное и разумное служеніе Россіи, моей Родинѣ, по долгу совѣсти и принятой присяги.

За пятьдесятъ лѣтъ моей литературной, публицистической и служебной дѣятельности я этому знамени никогда не измѣнялъ.

Двадцать лѣтъ жизни въ тѣсной еврейской средѣ были, правда, достаточны для того, чтобы дѣтская и юношеская воспримчивость впитала въ себя не только сокровенную любовь ко всему родному, но и не мало еврейскихъ суевѣрій и предрасудковъ того времени. Но — развѣ, съ другой стороны, пятьдесятъ лѣтъ послѣдующей зрѣлой жизни въ другой средѣ, при совершенно иныхъ социальныхъ условіяхъ,

недостаточны для того, чтобы эти предрасудки разсѣялись, какъ туманъ при яркомъ свѣтѣ, оставивъ въ тайникахъ сердца доподлинно лишь голосъ крови, — врожденную любовь и жалость къ своему многострадальному народу*)? Развѣ эти пятьдесятъ лѣтъ умственной и трудовой жизни, при новомъ міровоззрѣніи, недостаточны, чтобы сроднить съ новой средой, претворить въ ней впечатлѣнія дѣтства и заложить прочный фундаментъ вполне сознательнаго влеченія къ новымъ идеаламъ, понятіямъ и взглядамъ?

Теперь, на склонѣ семидесяти двухъ лѣтъ, наступило время подводить итоги, — итоги двумъ полосамъ моей жизни. Для одной я постараюсь быть безпристрастнымъ повѣствователемъ и критикомъ еврейской жизни конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, — когда - то воспѣтыхъ мною въ стихахъ на древнееврейскомъ (библейскомъ) языкѣ. Вторая полоса моей жизни даетъ мнѣ возможность повѣдать много интереснаго совершенно изъ другой области, — изъ того, что я видѣлъ, слышалъ и самъ творилъ, какъ активный дѣятель, по своему служебному положенію и по своей литературной и публицистической дѣятельности, начиная отъ «Голоса» Краевского и кончая «Общимъ Дѣломъ» В. Л. Бурцева.

М. Грулевъ.

*) И я дѣйствительно испыталъ это на зарѣ моей зрѣлой жизни, когда въ 1880 г., во время еврейскаго погрома въ Варшавѣ, будучи юнкеромъ въ Варшавскомъ училищѣ, я, подъ вліяніемъ «голоса крови», схватилъ свою казенную винтовку и совершенно одинокій, если угодно, — донкихотствующимъ рыцаремъ, бросился на улицу Налевки призывать евреевъ къ самооборонѣ, не отдавая себѣ отчета въ весьма печальныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ могло повести мое никѣмъ не понятое, незамѣченное, и даже бесполезное самопожертвованіе.

Часть I.

ГЕТТО

